

**ФИНСКО-ЭСТОНСКИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.*****В. И. Мусаев***

В статье рассматривается история финско-эстонского культурного взаимодействия в позднеимперский период. Это взаимодействие в первую очередь было обусловлено родством финского и эстонского этносов, общностью их происхождения, единством религии, географическим соседством, сходством языков и культурных традиций. Эстонское национальное движение во второй половине XIX – начале XX в. развивалось под заметным финским влиянием. В частности, эстонский национальный эпос «Калевипоэг» был сформирован под непосредственным влиянием изданной ранее карело-финской «Калеваль». Ряд эстонских деятелей культуры и будущих политиков получали образование в Финляндии, оппозиционеры эстонского происхождения укрывались на территории Финляндии от политических преследований. Взаимодействие развивалось также на церковно-религиозном уровне. Это касалось как Евангелическо-Лютеранской церкви, так и Православных церковных структур. Финляндская и Эстонская Православные церкви совместно вышли из юрисдикции Московской патриархии и получили автономию под омофором Константинопольского патриарха и на протяжении 1920–1930-х гг. активно сотрудничали между собой.

Ключевые слова: Финляндия, Эстония, взаимовлияние, культурные контакты

Характерным признаком развития национальных движений на национальных окраинах европейских империй с середины XIX в., в том числе в Российской, выражалось в том числе в поиске контактов и налаживании культурного сотрудничества с родственными этносами. В этом отношении показательны тесные финско-эстонские контакты. Финны и эстонцы связаны общностью происхождения, языковой близостью, принадлежностью к одной конфессии – евангелическо-лютеранской. Между северным и южным берегами Финского залива издавна поддерживались миграционные контакты. Военные конфликты или стихийные бедствия, охватывавшие территорию Финляндии, влекли за собой переселения с северного берега на южный, как и наоборот. Например, Северной войны, в 1720–1730-е гг., около 2000 выходцев из Финляндии осели в Эстляндской губернии. Новая неудачная для Швеции война с Россией 1741–1743 гг. привела к новому оттоку части населения Финляндии в российскую часть Прибалтики. К середине столетия интенсификация крепостнических отношений в Эстляндии привела к прекращению переселений из Финляндии и к переориентации переселенческого движения в противоположном направлении [10, S. 78, 170–171]. Как финские переселенцы в Эстонии, так и эстонские в Финляндии быстро адаптировались и частично ассимилировались: языковая близость и общность религии этому в значительной степени способствовали.

Этническая и языковая близость между эстонцами и финнами со временем всё более ясно осознавалась по обе стороны Финского залива. Прогресс финского национального движения, развитие финской литературы, обширная автономия Великого Княжества Финляндского, уравнивание финского языка на территории княжества в правах со шведским (в 1863 г.) – всё это оказывало вдохновляющее действие на эстонское национальное движение. Тема эстонско-финского родства явственно звучала, в частности, в творчестве классика эстонской поэзии Лидии Койдула, дочери одного из основоположников эстонского национального движения Й. В. Янсена. Эстонский национальный эпос «Калевипоэг» возник под влиянием «Калеваль», и опубликован он был в первый раз именно в Финляндии (его собирателем был классик эстонской литературы Ф. Крейцвальд). На мелодию Ф. Пацциуса песни «Наш край», ставший гимном Финляндии, был позднее положен и текст эстонского гимна. Некоторые выходцы из Эстонии обучались в Гельсингфорском университете.

С 1903 г. существовало «Хельсинкское эстонское благотворительное общество» (Helsingi Eesti Heategev Selts), а в 1906 г. был основан Финско-эстонский союз, к которому принадлежали, в частности, такие известные деятели культуры, как Хелла Муррик (Вуолийоки), обучавшаяся с 1904 г. в Хельсинкском университете, и Лаури Кеттунен. Столица Российской империи Санкт-Петербург был важным центром издательства на эстонском языке. Периодические и/или непериодические эстонские издания выходили также в ряде городов России за пределами

Петербурга и Петербургской губернии, в том числе в Великом княжестве Финляндском: в Хельсинки, Выборге и Куопио [16, S. 347].

По мере усиления миграций из Эстонии на территорию северо-западных российских губерний, эстонские поселенцы всё чаще присоединялись к финским лютеранским приходам Западной и Центральной Ингерманландии. Эти приходы, таким образом, превращались в смешанные финско-эстонские. В частности, в приходе Молосковицы (Валкеакиркко) в начале XX в. среди прихожан насчитывалось около 2000 эстонцев, в приходе Серепетта (Жеребяты) – 1594, в приходе Марково–Ярвисаари – 580 [13, S. 90–91]. Эстонцы были также среди членов приходов Куземкино (Нарвузи), Губаницы (Купанитса), Котлы (Каттила), Копорье (Каприо). В некоторых из них эстонцев среди прихожан со временем стало не меньше, а подчас и больше, чем финнов. В уездных и других городах Петербургской губернии лютеранские приходы имели, как правило, смешанный характер. В Кронштадте приход св. Елизаветы был основан еще в 1718 г. В 1859 г. приход разделился на две общины: немецко-латышскую и шведско-финско-эстонскую. Богослужения для обеих общин первые несколько лет проводились в церкви св. Елизаветы. В 1865 г. состоялась закладка каменной церкви св. Николая для шведско-эстонско-финской общины. Церковь была освящена в 1868 г., а ее строительство было окончательно завершено в следующем году. Помимо эстонского населения самого Кронштадта, к приходу принадлежали эстонские жители Ораниенбаума, Петергофа и Сестрорецка. В начале XX в. эстонцы составляли большинство среди прихожан церкви св. Николая: их насчитывалось 1614 человек из общего числа 2009 членов прихода [3, С. 146–147].

Тесное соприкосновение финнов и эстонцев на территории Петербурга и Петербургской губернии вело к взаимному влиянию. В качестве примера можно привести традицию образования обществ трезвости. В 1885 и 1891 гг. в российской столице были основаны два финских общества трезвости. Основание этих обществ и распространение обществ трезвости в самой Эстонии побудили и петербургских эстонцев заняться рассмотрением планов учреждения подобного общества. Инициатором создания эстонского общества стал Александр Клинк. 6 марта 1893 г. был утвержден устав С.-Петербургского эстонского общества трезвости *Ustavus* («Верность»). Цель общества заключалась «в противодействии чрезмерному употреблению всяких охмеляющих напитков среди эстонцев, проживающих в С.-Петербурге и С.-Петербургской губернии» [9].

В начале XX в. имели место случаи, когда в Финляндию уезжали по политическим мотивам. Активисты политической оппозиции и вообще лица, которым грозил арест, чувствовали себя здесь в большей безопасности: местные власти нередко сквозь пальцы смотрели на присутствие на своей территории деятелей, оппозиционно настроенных по отношению к царскому режиму. Так, после революции 1905 г. в Финляндии обосновались будущие политические лидеры независимой Эстонии Константин Пятс, Отто Страндман и Яан Теэмант, писатель и журналист Эдуард Вильде. Один из классиков эстонской литературы Э. Вильде несколько раз приезжал в российскую столицу, в последний раз в январе 1906 г. Однако вскоре писателю пришлось срочно выехать в Финляндию, поскольку как участнику революции 1905 г. ему грозил арест. В Финляндии Э. Вильде затем также пытались арестовать: местные полицейские власти получили соответствующее указание из Петербурга. Однако местное начальство заранее предупредило писателя об этом указании и дало ему возможность выехать за границу, в Копенгаген [11, S. 106–108].

Развитие эстонского национального движения, которое поначалу не вызывало у властей большого беспокойства, пока оно имело скорее культурный характер и было отчасти направлено против немецкого доминирования, ближе к концу столетия, по мере того как оно всё больше политизировалось, стало восприниматься на властном уровне с более явно выраженным подозрением. И связи с Финляндией в этом смысле также вызывали подозрение. В этом отношении характерен фрагмент отчета лифлянского губернатора М. А. Зиновьева о состоянии губернии за 1893 г. Здесь с явным неудовольствием описывалось празднование 75-летия отмены крепостного права в губернии, проводившееся в Юрьеве 18–20 июня: «Праздник открылся трубными звуками духовых оркестров, исполнивших с колоколен юрьевских кирок боевой гимн Лютера. С церковных кафедр прославлялись великие подвиги и благодеяния тевтонских рыцарей, а также католических и лютеранских проповедников, отстаивавших независимость края и спасавших его от восточного мрака; призывалось ин них и на их труды благословение свыше, завещанным ими идеалам, присутствующие приглашались оставаться верными под опасением погружения в невежество и потери временных и вечных благ; указывалось на превосходство

местных порядков перед порядками внутри России и т. п.». Отмечалось при этом, что в празднике принимали участие гости из Финляндии [7].

Ещё одним элементом эстонско-финляндского культурного сближения было литературное движение «Молодая Эстония» (Noor Eesti), которое зародилось в 1905 г. Характерными для него были культ индивидуализма, обращение к интимным темам в литературе, а также движение за реформирование эстонского литературного языка на основе заимствования слов из южно-эстонских диалектов. При этом декларировалась идея эстонско-финляндского единства. Одним из частных, но знаковых моментов этого движения было требование ввести для обозначения звука [y] букву "y" вместо "ü" (возможно, как символ культурной близости с северными народами: первая из указанных букв используется для передачи соответствующего звука в финском и скандинавских языках, вторая – в немецком). Печатным органом «Молодой Эстонии» был журнал *Vaba Sõna* («Свободное слово»), издание которого началось во время мировой войны. Младозэстонское влияние проникло после 1917 г. и в среду эстонской диаспоры в Советской России, но там оно было заклеено как «буржуазное» и «белогвардейское» и вытеснено из Эстонского педагогического университета в Петрограде, в котором до того имело некоторое распространение [8].

Этническое родство и культурная близость эстонцев и финнов играли свою роль в том числе и в вопросах, связанных с православием. Финляндская православная епархия существовала с 1892 г. Православные приходы в Эстонии до 1917 г. входили в состав Рижской епархии. После отделения Финляндии и бывших Прибалтийских губерний от России часть местного клира начало проявлять стремление к каноническому обособлению от Московской патриархии. При этом возникла идея объединения финляндского и эстонского православия. На чрезвычайном епархиальном Соборе в Выборге в июне 1919 г., на котором было принято решение об автокефалии Финляндской Православной Церкви, была также высказана идея объединения православных церквей Финляндии, Эстонии и Карелии. Каждая часть этого церковного сообщества стала бы автономной церковной организацией, а общее руководство автокефальной церковью должно было осуществлять «высшее церковное правительство», составленное из представителей всех её автономных частей [5]. Соответствующее стремление наблюдалось и со стороны Эстонской Православной Церкви. Епархиальный совет Эстонской церкви 23 июля 1919 г. отправил Министерству просвещения и церковных дел Финляндии послание с приложенной к нему копией протокола упомянутого собрания эстонских православных приходов, проведённого в марте 1919 г., в котором было записано решение об отделении от Русской церкви. В том же послании было написано о желании объединиться с Финляндской епархией в единую автокефальную церковь [15, S. 33]. Среди эстонских официальных лиц идею церковного объединения поддерживали, в частности, премьер-министр Константин Пяте и эстонский посланник в Хельсинки, а позднее в Лондоне доктор Оскар Каллас [17, S. 59]. Стремление к объединению с «братскими церквями» наблюдалось и в российской Карелии. Об этом говорит, в частности, решение ориентировавшегося на Финляндию «Временного правительства Беломорской Карелии» весной 1920 г. об отделении карельских приходов от Русской Православной Церкви и их объединении с православными церквями Финляндии и Эстонии [2, С. 148]. Естественно, это решение осталось на бумаге, так как для его практической реализации не имелось каких-либо реальных возможностей, тем более что г. Ухта, в котором находилось вышеупомянутое правительство, вскоре была занята красными, а само правительство эвакуировалось в Финляндию и прекратило своё существование.

В начале сентября 1919 г. в Таллинн прибыли, в качестве делегатов Финляндского православного церковного управления, настоятель хельсинкского православного прихода протоиерей Николай Васильев и секретарь управления Кусти Репо. Взаимопонимание на начавшихся переговорах было без труда достигнуто. Эстонские представители были не против того, чтобы центральный орган управления будущей единой церкви находился в Финляндии и чтобы финляндский архиерей стал её главой [17, S. 61]. В 1921 г. руководство Эстонской церкви выступило с инициативой проведения объединённого собора духовенства трёх автономных православных церквей – Финляндской, Эстонской и Латвийской. Правящие архиереи Финляндской и Латвийской церквей, архиепископы Серафим (Лукьянов) и Иоанн (Поммер) эту идею, однако, не поддержали. Архиепископ Серафим, который не разделял автокефалистские устремления части иереев своей церкви, в письме архиепископу Иоанну от 25 октября 1921 г. выражал своё недоумение по поводу замысла созыва собора: «Из послания Эстонской Церкви не совсем ясно, какая истинная цель проектируемых Соборов... Что касается получения права от Московского

Патриарха хиротонисать архиереев в прибалтийские Церкви, то это практически теперь отпало, так как с Москвой сношения возможны и из Латвии, и из Эстонии, и из Финляндии. И дать такое право без разрешения Собора Патриарх едва ли согласится, так как это право равняется дарованию трём прибалтийским Церквям прав автокефалии, так как Патриарх и Высшее церковное управление не имеют на это права. Что касается других вопросов, какие можно было бы решать на Соборах трёх автономных Церквей, то из послания не видно, каковы они» [6, С. 39].

В начале мая 1922 г. Эстонский Синод предложил начать 16 числа того же месяца в Хельсинки работу собрания, в котором приняли бы участие архиереи трёх церквей и по одному представителю от духовенства и мирян. С эстонской стороны должны были участвовать архиепископ Александр, протоиерей К. Пятс и директор гимназии Николай Канн, с финляндской – архиепископ Серафим, протоиерей Сергей Солнцев и К. Репо. Когда, однако, стало известно, что Латвийский архиепископ Иоанн не прибудет в Хельсинки, от участия в предполагаемом собрании отказался архиепископ Серафим. Протоиерей Н. Пятс всё же приехал в Хельсинки, где пробыл с 18 по 23 мая и вёл переговоры с С. Солнцевым, К. Репо и секретарём финляндского Министерства просвещения А. Инкиненом, в обязанности которого входило представлять дела ФПЦ правительству. В дальнейшем вопрос об объединении начал, однако, заходить в тупик. Эстонцы стали выражать сомнение в ведущей роли Финляндской церкви, более скромной по численности паствы. Кроме того, они считали, что главным архиереем – митрополитом – должен стать старший епископ. Ввиду вероятного увольнения от должности архиепископа Серафима (которое действительно произошло в конце следующего года), таковым теперь становился бы архиепископ Александр [17, S. 63–64]. Финляндцы, в свою очередь, не были довольны встречными условиями эстонской стороны. Сохранение суверенитета Советской России над Восточной Карелией делало невозможным присоединение карельских приходов.

В итоге замысел церковного триединства не был реализован. Тесные связи между православными церквями Финляндии и Эстонии, однако, сохранялись и в дальнейшем. Можно предположить, что отголоском идеи финляндско-эстонского церковного объединения было приглашение эстонского священника Германа Аава на должность викарного епископа Карельского Финляндской Православной Церкви. Соответствующее решение было принято Собором Финляндской церкви в июне 1922 г. Герман Аав, уроженец острова Муху (Моон), с начала 1910-х гг. возглавлял один из приходов на острове Сааремаа (Эзель) и состоял попечителем благотворительного округа. В 1917 г. он избирался депутатом на церковный собор в Юрьеве [14, S. 29]. В ноябре 1922 г. Синод Эстонской церкви предложил Г. Ааву, имевшему тогда сан протоиерея, должность викарного епископа на Сааремаа и Муху, однако он предпочёл принять предложение из Финляндии. Заняв должность викарного епископа Карельского, преосвященный Герман активно поддерживал преобразования внутри ФПЦ, инициированные «национально» ориентированными церковными деятелями. После отстранения от должности в конце 1923 г. архиепископа Серафима, выступавшего против разрыва Финляндской церкви с Московской патриархией и внутренних реформистских преобразований, епископ Герман фактически стал руководить всей Финляндской церковью. С 1925 г., когда он был возведён в сан архиепископа, его положение как главы ФПЦ было узаконено. Во время календарного конфликта в Финляндской церкви он активно способствовал подавлению сопротивления «старостильников». Позднее архиепископу Герману пришлось заниматься нелёгким делом налаживания жизни Православной церкви в Финляндии после эвакуации, вызванной событиями «зимней» войны 1939–1940 гг. Во главе Финляндской церкви архиепископ Герман оставался до своей смерти в 1961 г. [4, С. 56–58]

Граждане Эстонии были одной из самых больших групп иностранцев, посещавших Валаамский Спасо-Преображенский монастырь, находившийся в то время на территории Финляндии. В 1930 г. Валаам посетила группа эстонских священников и светских лиц во главе с митрополитом Александром, прибывшая для участия в церковном соборе в Сортавале. Заметная активизация эстонского туризма и паломничества на Валаам наблюдалась во второй половине 1930 г. Пик пришёлся на 1939 г., когда из Эстонии приехали четыре эстонские группы общим числом в 331 человек [12, S. 419–420]. Алексей Ридигер, будущий патриарх Московский и всея Руси, ещё в детском возрасте дважды, в 1938 и 1939 гг., приезжал на Валаам как паломник вместе со своим отцом Михаилом Александровичем (их семья тогда проживала в эмиграции в Эстонии). Юный Алексей встречался с духовником монастыря иеросхимонахом Ефремом (Хробостовым) и монахом Иувианом (Красноперовым), автором монастырской «Летописи о Великой войне и последующих событиях», с которым у него завязалась переписка [1, С. 26–28].

Тесное финляндско-эстонское сотрудничество в различных сферах продолжалось вплоть до конца 1930-х гг., до инкорпорации Эстонии в состав Советского Союза.

Список источников и литературы

1. Алексей II, Патриарх Московский и Всея Руси. Воспоминания о посещении Спасо-Преображенского Валаамского монастыря в 1938 и 1939 годах // Старый Валаам. Воспоминания о монастыре 1914–1943 гг. Санкт-Петербург, 2006. – С. 26–28.
2. Дубровская, Е. Ю. Общественная жизнь карельского населения Олонецкой и Архангельской губерний в годы российской революции и гражданской войны (1917–1920) / Е. Ю. Дубровская // Трагедия великой державы. Национальный вопрос и распад Советского Союза. – Москва, 2005. С. 141–143.
3. Князева, Е. Е. Лютеранские церкви и приходы в России XVIII – XX вв. / Е. Е. Князева, Г. Ф. Соловьева. – Санкт-Петербург, 2001. – 296 с.
4. Кырлежев А. Архиепископ Герман – предстоятель Финляндской Православной Церкви (1924–1960) // Журнал Московской Патриархии. – 1990. – № 4. – С. 56–58.
5. Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (ЛОГАВ). Ф. 389. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.
6. Православие в Эстонии. Исследования и документы в двух томах: в 2 т. Т. 2. Документы. / ред. Н. В. Балашов, С. Л. Кравец. – Москва, 2010. – 655 с.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 233. 1894 г. Д. 229. Л. 17–19.
8. Центральный Государственный Архив Историко-политических Документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 16. Оп. 12. Д. 12 285. Л. 12–14.
9. Центральный Государственный Исторический Архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 569. Оп. 13. Д. 529. Л. 3.
10. Engman, M. St. Petersburg och Finland. Migration och influens. 1703–1917 / M. Engman. – Helsingfors: Societas Scientiarum Fennica, 1983. – 453 s.
11. Isakov, S. Pietari ja Baltian maat / S. Isakov // Suomi – Pietari. Pietari-seminaari Jyväskylässä. Jyväskylä, 1994.
12. Kilpeläinen, H. Valamo – karjalaisten luostari? Luostarin ja yhteiskunnan interaktio maailmansotien välisenä aikana / H. Kilpeläinen. – Helsinki, 2000. – S. 419–420.
13. Metiäinen A. Entisen Inkerin luterilaisen kirkon 350-vuotismuistojulkaisu / A. Metiäinen, K. Kurko. – Helsinki, 1960. – 137 s.
14. Purmonen, V. Arkkipiispa Hermanin elämä. Ortodoksisen kirkon vaiheita Virossa ja Suomessa / V. Purmonen. – Pieksämäki, 1986. – 119 s.
15. Purmonen, V. Suomen ortodoksisen kirkon tie autonomiaan / V. Purmonen // Ortodoksia. – 1987. – № 37. – S. 69–71.
16. Raag, R. Virolaiset Viron ulkopuolella / R. Raag // Viro: Hisroria, kansa, kulttuuri. – 1995. – S. 343.
17. Setälä, U. V. J. Viron apostolisen oikeauskoisen kirkon syntyvaiheita / U. V. J. Setälä // Ortodoksia. – 1962. – № 13.

Мусаев Вадим Ибрагимович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (г. Санкт-Петербург, Россия), vmusaev62@mail.ru

ETHNO-CULTURAL TIES BETWEEN THE FINNS AND THE ESTONIANS IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

V. I. Musaev

The article deals with the history of cultural interaction between the Finns and the Estonians during the late imperial period. This interaction was connected with ethnic kinship between the Finnish and the Estonians, their common origin, proximity of the languages and the cultural traditions, geographic proximity and joint religion. Development of the Estonian national movement in the second half of the nineteenth century went on under considerable Finnish influence. For instance, the Estonian national

epic poem “Kalevipoeg” was formed under direct influence of the Finnish “Kalevala”, published earlier. Some Estonian cultural persons and future politicians were educated in Finland. Estonian oppositionists in some cases escaped political persecutions in the Finnish territory. Interaction developed also on the ecclesiastic level. It concerned both the Evangelic-Lutheran and the Orthodox churches of both countries. Finnish and Estonian Orthodox churches seceded jointly the jurisdiction of the Moscow Patriarchate and received autonomous position under the omophorion of the Patriarch of Constantinople. Their close cooperation continued during the nineteen-twenties and thirties.

Key words: Finland, Estonia, interaction, cultural contacts.

References

1. Aleksij II, Patriarh Moskovskij i Vseya Rusi. Vospominaniya o poseshchenii Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya v 1938 i 1939 godah [Alexy II, Patriarch of Moscow and All Rus'. Memories of visiting the Spaso-Preobrazhensky Valaam Monastery in 1938 and 1939]. Staryj Valaam. Vospominaniya o monastyre 1914–1943 gg. [Old Valaam. Memories of the Monastery 1914–1943]. St. Petersburg, 2006. P. 26–28. (In Russ.)
2. Dubrovskaya E. Yu. Obshchestvennaya zhizn' karel'skogo naseleniya Oloneckoj i Arhangel'-skoj gubernij v gody rossijskoj revolyucii i grazhdanskoj vojny (1917–1920) [Social life of the Karelian population of the Olonets and Arkhangelsk provinces during the years of the Russian revolution and civil war (1917–1920)]. Tragediya velikoj derzhavy. Nacional'nyj vopros i raspad Sovetskogo Soyuz [Tragedy of the great power. The national question and the collapse of the Soviet Union]. Moscow, 2005. P. 141–143. (In Russ.)
3. Knyazeva E. E., Solovieva G. F. Lyuteranskie cerkvi i prihody v Rossii XVIII – XX vv. [Lutheran churches and parishes in Russia in the 18th – 20th centuries]. St. Petersburg, 2001. 296 p. (In Russ.)
4. Kyrlezhev A. Archbishop German – Primate of the Finnish Orthodox Church (1924–1960) [Archiepiskop German – predstoyatel' Finlyandskoj Pravoslavnoj Cerkvi (1924–1960)]. Journal of the Moscow Patriarchy [ZHurnal Moskovskoj Patriarhii.], 1990. No. 4. C. 56–58. (In Russ.)
5. Leningradskij oblastnoj gosudarstvennyj arhiv v g. Vyborge (LOGAV) [Leningrad Regional State Archive in Vyborg (LOGAV)]. F. 389. Op. 1. D. 5. L. 3.
6. Central'nyj Gosudarstvennyj Arhiv Istoriko-politicheskikh Dokumentov Sankt-Peterburga (CGAIPD SPb) [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (TsGAIPD St. Petersburg)]. F. 16. Op. 12. D. 12 285. L. 12–14. (In Russ.)
7. Central'nyj Gosudarstvennyj Istoricheskij Arhiv Sankt-Peterburga (CGIA SPb) [Central State Historical Archive of St. Petersburg (TSGIA SPb)]. F. 569. Op. 13. D. 529. L. 3.
8. Engman, M. St. Petersburg and Finland. Migration och influences. 1703-1917. Helsingfors: Societas Scientiarum Fennica, 1983. 453 s.
9. Isakov S. Pietari ja Baltian maat. Suomi – Pietari. Pietari-seminaari Jyväskylässä. Jyväskylä, 1994.
10. Kilpeläinen H. Valamo – karjalaisten luostari? Luostarin ja yhteiskunnan interaktio maailmansotien välisenä aikana. Helsinki, 2000. S. 419–420.
11. Metiäinen A., Kurko K. Entisen Inkerin luterilaisen kirkon 350-vuotismuistojulkaisu. Helsinki, 1960. 137 s.
12. Pravoslavie v Estonii. Issledovaniya i dokumenty v dvuh tomah. T. 2. Dokumenty [Orthodoxy in Estonia. Studies and papers in two volumes. T. 2. Documents]. Ed. N. V. Balashov and S. L. Kravets. Moscow, 2010. 655 p. (In Russ.)
13. Purmonen V. Arkkipiispa Hermanin elämä. Ortodoksisen kirkon vaiheita Virossa ja Suomessa. Pieksämäki, 1986. 119 s.
14. Purmonen V. Suomen ortodoksisen kirkon tie autonomiaan. Ortodoksia. 37. 1987. S. 69–71.
15. Raag R. Virolaiset Viron ulkopuolella. Viro: Hisroria, kansa, kulttuuri. 1995. S. 343.
16. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RGIA)]. F. 1284. Op. 233. 1894. D. 229. L. 17–19.
17. Setälä U. V. J. Viron apostolisen oikeauskoisen kirkon syntyvaiheita // Ortodoksia. 13. 1962.

Musaev Vadim Ibragimovich – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), vmu-saev62@mail.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Мусаев, В. И. Финско-эстонские этнокультурные связи в конце XIX – начале XX в. / В. И. Мусаев // Социогуманитарные коммуникации. – 2023. – № 1(3). – С. 81–87.

FOR CITATION:

Musaev V. I. [Finnish-Estonian ethno-cultural relations in the late XIX – early XX century.] Finnish-Estonian ethno-cultural relations in the late XIX – early XX century. Sociogumanitarnye kommunikacii [Socio-humanitarian communications]. 2023. № 1(3). P. 81–87.